

ТРИ НОЖА ИЗ СТРАНЫ ВЭЙ

Tre knivar från Wei

ПЕРЕВОД С. ФРИДЛЯНД

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Ши Мо — учительница повиновения при тюрьмах империи Феникс.
- Цзи Юнь — старшая помощница учительницы повиновения.
- Юй Дань — младшая помощница.
- Герцогиня Вэйская.
- Принцесса Ян.
- Ли Хуа — музыкантша.
- Лай — рабыня при алтаре.
- Вай — камеристка.
- Лай Юй } — придворные дамы из дома Суй.
Юй Бэй }
- Нань Фэй — главная фаворитка.
- Альлуте
- Первая походная наложница.
- Вторая походная наложница.
- Монахиня Бэй.
- Вторая монахиня.
- Третья монахиня.
- Ба — рабыня-прислужница.
- Первая служанка.
- Вторая служанка.
- Рабыня-привратница.
- Новая рабыня.
- Молодая рабыня.
- Молодая дама.
- Вторая молодая дама.
- Первая крестьянка.
- Вторая крестьянка.
- Третья крестьянка.
- Служитель-садовник.
- Страж пагоды.
- Верная служанка.
- Оруженосец.
- Гонец.
- Гун Лу.
- Жена разбойника.

Шань Хуа.
Носильщик.
Беженец.
Второй беженец.
Третий беженец.
Труп придворной дамы.
Кроме того:
Придворные дамы.
Рабыни.
Прислужницы.
Монахини.
Крестьянки.
Беженцы.

Действие драмы перенесено в место ссылки для придворных дам династии Тан в Китае и разворачивается на фоне преследований, которым императрица У Цзэтянь подвергала различные дома династии Тан на исходе VII века.

Приводимые в картине 18-й религиозные тексты заимствованы из палийского свода канонических буддистских текстов Тхеравада, а также из «Дармапады», в то время как обращение к Богине риса в ритуале плодородия имеет своим источником древнеяпонские заклинания богини солнца Аматерасу.

ДЕЙСТВИЕ I

КАРТИНА I

Рабыня распахивает малые медные врата и склоняется перед тремя только что прибывшими дамами, после чего уходит. Три дамы— это герцогиня Вэйская, принцесса Ян и молодая придворная музыкантша Ли Хуа. Их сопровождает молодая рабыня.

Герцогиня (*обращаясь к принцессе*). Это и есть место, где нам надлежит прожить?

Принцесса Ян. Полагаю, что так. Впрочем, мне ничего не известно. Я являлась в пути три дня. Меня несли в закрытом паланкине. Мне не сказали, куда меня отправят. Сказали только, что приговор пересмотрен.

Герцогиня. И мой также. Меня помиловали, но я даже не знаю, в чем состоит это помилование.

Принцесса Ян. Это называется полупомилование.

Герцогиня. Повелительница империи Феникс умеет отыскать имя для всего, кроме той неизвестности, на которую она нас осудила. В паланкине по пути сюда я сожалела о том, что не проявила должного упорства, тогда все было бы уже позади. Смерть от Железных рук совершается быстро. Если положить на высунутый язык золотую монету, палач Железные руки удавит тебя в мгновение ока. А вместо того—неизвестность.

Принцесса Ян. Возможно, мы скоро узнаем, куда нас привезли.

Герцогиня. Старинные павильоны из камня. С большим хозяйственным двором и двустворчатыми вратами. Стиль Вэйян. А сами павильоны явно отстроены в эпоху Хань.

Принцесса Ян. Похоже на небольшую загородную резиденцию. Три домашних алтаря. На одном— изображение Богини риса.

Герцогиня. К ней часто взывают в этом году. Блажен, кто верует. Когда мои носильщики отдыхали по дороге, я слышала их разговоры о страшной засухе и о том, что, если Богиня не пошлет дождь, может подняться бунт.

Принцесса Ян. А на втором алтаре—таблички в память предков. Если судить по числу чаш, выставленных

перед алтарем для предков, число сосланных весьма велико.

Герцогиня. А вот третий алтарь мне кажется странным. Не могу понять, для чего он. Там сидит женщина. Она глядит на нас.

Принцесса Ян. Какая-нибудь служанка, ночная уборщица, и уж конечно, она ничего не знает. А если и знает, то как верная рабыня будет хранить молчание, так водится. Сюда кто-то идет.

Входит учительница Цзи Юнь.

Цзи Юнь. Меня зовут Цзи Юнь. Я старшая помощница учительницы повиновения. Я знаю, что те, кого доставляют сюда среди ночи, бывают несколько растеряны и не могут понять, куда они попали.

Герцогиня. Это еще мягко сказано, наставница. Меня зовут Тань Хуа, я герцогиня Вэйская.

Принцесса Ян. Меня зовут Ян, я принцесса из рода Ли. Мы утомлены, и терпение наше подверглось суровому испытанию.

Цзи Юнь. Я сожалею, что место ссылки оказалось столь отдаленным. Впрочем, есть и более отдаленные, которые пользуются более страшной славой. Я говорю о местах ссылки, что расположены на границе пустынь. И прежде всего о том, что лежит рядом с пустыней Шиам, среди зыбучих песков. От песка очень портится кожа, и дамы чрезвычайно быстро стареют.

Герцогиня. Мне кажется, вы хотите утешить нас, рассказывая нам о других местах ссылки. Волк, будучи сравнен с тигром, представляется менее страшным. Но не надо золотить пилюлю. Куда нас доставили?

Цзи Юнь. В самом непродолжительном времени вас просветят на этот счет. Наша учительница повиновения Ши Мо будет здесь через несколько секунд. А пока я попросила бы вас передать мне сопроводительное письмо.

Герцогиня. Думается, это оно.

Принцесса Ян. А вот, вероятно, мое. Сначала я думала, что это какой-нибудь поэтический текст, либо письмо с благовониями, чтобы развернуть и утешиться во время долгого пути.

Цзи Юнь. К сожалению, письма, которые пишет повелительница империи Феникс, носят совсем иной характер. Могу лишь посочувствовать вашему высочеству.

Герцогиня. А почему здесь не видно стражи?

Цзи Юнь. А потому, герцогиня, что отсюда не бегут. Таково одно из неперемных условий полупомилования. Впрочем, одна стражница у нас все-таки есть — рабыня

Лай, которую вы видите перед алтарем. Ей надлежит следить за тем, чтобы мы как зеницу ока хранили наше Украшение для прически. Знакомо ли вам, герцогиня, это украшение?

Герцогиня. И да и нет. Я видела его однажды во время игры. И крайне удивлена, увидев его здесь, в месте изгнания.

Цзи Юнь. Простите, герцогиня, но теперь моя очередь удивляться. Ни одна из нас, из тех, кто уже обитает здесь, не знакома с историей Украшения, разве только Лай, рабыня при алтаре, но Лай нема, когда речь заходит о подобных предметах.

Герцогиня. И впрямь забавно. Впрочем, я и сама знаю об этом не слишком много. Помню только, что Украшение было связано с игрой в фанты. Во время дворцовых торжеств на Западных террасах в честь совершеннолетия принца Иена. Непременной деталью одной из тех игр, в которые играли на празднике, служило Украшение для прически, точно такое же, какое украшает сейчас ваши волосы, наставница.

Цзи Юнь. Значит, просто фанты? А как вы играли?

Герцогиня. В самый разгар праздника герцогиня Лу вдруг предложила сыграть в «окруженную даму». По ходу игры надо было ответить на ряд вопросов, и если какая-нибудь дама давала неправильные ответы больше, чем на три вопроса, она считалась «окруженной», и ей следовало воткнуть в свою прическу три ножа и носить их до конца вечера. «Три ножа из страны Вэй» — так называлась игра. Я помню еще, какое поднялось веселье, хотя и сдержанное, когда сама повелительница империи Феникс неправильно ответила и ее признали «окруженной». Наиболее дерзкие позволили себе даже такие выкрики: глядите, глядите, повелительница тоже попала в «окружение». Ее величество оказалась в окружении грозных татар. И, надобно сказать, императрица смеялась вместе со всеми. Я никогда еще не видела ее в таком отменном расположении духа. Остаток празднества она так и проходила с тремя ножами в прическе. Несколько дней спустя она в доверительной беседе сообщила герцогине Лу, что давно уже не проводила вечер так весело. (*Бросает испытующий взгляд на третий алтарь.*) Да, точно так оно и выглядело. Странно, вдруг вспоминаешь про игру. И не где-нибудь, а здесь.

Цзи Юнь. Вы очень интересно обо всем рассказали, герцогиня. Да-да, повелительница империи всегда питала слабость к преданиям и легендам и любила воспроизводить их обстановку. Потому и рабыня с ножами на алтаре.

Она приставлена жрицей к обычаю, о котором никто не вспоминал, несколько тысячелетий. Со времен раннего царства Вэй.

Герцогиня. А что думает об этом главная учительница?

Цзи Юнь. Она ничего не думает и ничего не знает. К легендам она относится более чем прохладно. Будучи наставницей по идеологии, она больше интересуется Образцом повиновения. Если мне дозволено будет что-нибудь добавить, я скажу только, что и здесь к ножам из Вэй относятся по-разному. Более половины сосланных смеются над ними и не принимают их всерьез, другие носят их, притом не без кокетства.

Герцогиня. Последнее меня не удивляет. Это неплохое украшение.

Цзи Юнь. Именно это и сказала властительница империи, когда мне самой вынесли приговор. «Высоко в Тайханьшане возле Татарского пролива, куда вас теперь доставят, чтобы вы могли учить уму-разуму моих строптивых и несмышленных девочек, вам бросятся в глаза некоторые детали туалета, каких вы не встречали здесь. Возможно, они покажутся вам странными на первый взгляд, но я убеждена, что они вас украсят».

Входит Ши Мо, за ней камеристка Вай.

Это вновь прибывшие герцогиня Вэйская и принцесса Ян.

Ши Мо (кланяется). Время, неприятное для нас всех, герцогиня, но долг повелевает мне распоряжаться здесь, в узилищах империи Феникс. Меня зовут Ши Мо, я главная учительница. Я из дома Тан.

Юй Дань (входя). А, высокие гости, как я вижу.

Герцогиня. Высокие невольницы. Среди им подобных. Говорят, будто сюда ссылают даже обыкновенных убийц. Для вящего нашего унижения. Императрица любит смешанное общество.

Юй Дань. Императрица любит смешанное общество. Прошу внимания. Меня зовут Юй Дань. На мне лежит тягостная обязанность на несколько недель ранее других знакомиться с приговорами, которые императрица У изволит выносить в Лояне.

Герцогиня. Обширное чтение, сдастся мне. Но может быть, разнообразное?

Юй Дань. Разнообразное только в смысле титулов. Милосердие императрицы несколько поиссякло.

Принцесса Ян. Один вопрос о родственнице: какая судьба постигла герцогиню Хуаньскую?

Юй Дань. Должна огорчить вас, ваше высочество.

Принцесса Ян. Так, понимаю.

Ши Мо. Комнаты для вас приготовлены. Следуйте за своими учительницами.

Герцогиня и принцесса выходят вслед за Цзи Юнь и Юй Дань. Повинуясь знаку Ши Мо, Ли Хуа остается на сцене, в то время как прибывшая одновременно со всеми рабыня ожидает решения своей участи.

(Держа в руках сопроводительное письмо.) Тебя зовут Ли Хуа. Ты музыкантша в четвертом ряду наложниц на дворцовых террасах. Обвиняешься в непредумышленном убийстве. Приговорена к удушению Железными руками, но приговор заменен на полупомилование. Ты и есть эта Ли Хуа?

Ли Хуа. Да, высокая наставница. А что будет со мной дальше?

Ши Мо. Никто не знает, что с ним будет дальше. Все зависит от того, что будет вообще.

Ли Хуа. Не прогневайся на меня, высокая наставница. Для того, кто предпочел бы умереть, все кажется таким новым и необычным. Открой мне, что означает полупомилование.

Ши Мо. Что даже половинная милость вдвое лучше, чем смерть. Тебе снова придется ходить в школу, как и всем остальным. И отныне задавать вопросы будут твои учителя, а не ты. Места неподобающему беспокойству быть не должно. Ты будешь спать в четвертой спальне. А теперь следуй за камеристкой Вай.

Ли Хуа выходит вслед за служанкой. Ши Мо, подав знак Ба заняться вновь прибывшей рабыней, также выходит.

КАРТИНА 2

Ба, которая уже вполне здесь освоилась, наставляет вновь прибывшую и в числе прочего показывает как достопримечательность рабыню Лай.

Ба. Вот видишь, она сидит. Но ты ее не бойся. Она только для знатных дам. Когда война подойдет к нашему дому и нас окружают враги, дамы должны будут умереть.

Новая рабыня. А почему они должны будут умереть?

Ба. Чтобы не стать добычей татар.

Новая рабыня. А кто их убьет?

Ба. Они сами себя убьют. А если они побоятся и не смогут наложить на себя руки, их убьет Лай. Пошли, подразним ее.

Новая рабыня. Не надо, я не смею.

Ба. Да это вовсе не опасно. Мы, рабыни, дразним ее каждый день. Мы ненавидим ее, а она ненавидит нас. Она бы рада всех нас убить, да не может. Ей дозволено убивать только прекрасные цветочки. Это старинный такой обычай из империи У. Он был в ходу сотни лет назад, а может, не сотни, а тысячи, а может, десятки тысяч, а может, с незапамятных времен.

Новая рабыня. Теперь я вижу, что у нее нож.

Ба. У нее много ножей, у этой гадины. Она их натачивает и чистит. Она уже много лет сидит так и все чистит и все натачивает, и до сих пор никого не убила. Она почти рехнулась от этого.

Новая рабыня. Вот она снова достала нож.

Ба. Она их бережет. У нее по три ножа на каждую даму. Их называют ножи из страны Вэй. Смотри, смотри, теперь она держит целую охапку ножей. Подойдем поближе.

Ба тащит за собой новую рабыню, и та покорно идет следом.

Новая рабыня. О не убивай меня, ради бога, не убивай меня!

Ба. Вот дуреха! Да мы просто немножко подразним ее. *(Показывает нос, подпрыгивает, хлопает себя ладонями по заду, пляшет, насмешливо кривляясь, потом внезапно останавливается.)* Эй ты, гадина! До каких пор ты будешь здесь торчать? До каких пор ты будешь срезать прекрасные цветы, подлая?!

Лай. Покуда этого хотят боги.

Ба. Не делай вид, что ты спокойна и рассудительна. Ты бы рада убить меня на месте. Смотри, на что я сейчас осмелюсь. *(Внезапно подходит вплотную к Лай и кладет голову на алтарь.)* Она бы и рада, да не смеет. А хоть и посмеет, так не сумеет. Ха-ха-ха!

Новая рабыня *(обмирая от страха)*. Богиня, богиня, она просто шутит, она шутит. Будь милосердна, она пошутила.

Лай. Не называй меня богиней. Будь я богиня, не сидела бы я здесь. Ты сказала, что кто-то шутит. Кто же шутит? Эта, что ли? Для богов она не существует.

Новая рабыня. Прости меня, я так испугалась.

Ба. Испугалась? Ты же видела, что я не испугалась. Почему ты унижаешься перед этой гадиной? Пойдем, поможешь мне на кухне. Там тебе самое место. Хотя, как мне кажется, наша повелительница жалеет о том, что купила такую дуру. *(Рывком увлекает ее за собой.)*

Занимается утренняя заря. Входят две прислужницы. Они открывают ставни.

Первая прислужница. Прибыли новые высочества. Императрица У совсем не бережет своих куколок в этом году. Будь осторожна. Не подходи слишком близко к языческому алтарю. Как бы тебя не закололи.

Вторая прислужница. Гнусная точильщица ножей.

Первая прислужница. Я полночи просидела здесь, толковала ей про свет и сияние Будды. Она ни слова не промолвила. Она даже не попросила меня замолчать и уйти.

Вторая прислужница. А может, она глухая?

Первая прислужница. Как бы не так! Да она слышит малейший шорох. Она настораживается, словно горная коза, едва кто-то войдет в дверь. Особенно, когда из Лояна прибывают новые изгнанницы. Она слышит поскрипывание паланкина, прежде чем тот минует наружные ворота. Она ждет, когда ей позволят заняться куколками из дома Тан, на собственный лад, конечно. *(Обратившись в сторону алтаря и Лай.)* Тьфу на тебя! Да откуда ты взялась?

Вторая прислужница. Послушай, сюда идут куколочки, слышишь? Цик-цок, цик-цок, цик-цок!

Обе умолкают, прислушиваясь к приближающемуся стуку деревянных подошв.

Первая прислужница. Пошли отсюда. Мне больно на них смотреть.

Прислужницы и рабыни выходят, а зала тем временем заполняется дамами Тан. Дамы останавливаются, держатся вполне свободно. По всей видимости, они ждут своих учительниц и тихонько переговариваются.

Лай Юй. Этой ночью кой-кого доставили.

Юй Бэй. Много?

Лай Юй. Не очень много, но зато среди прибывших есть высокие особы.

Молодая дама. Вот как? Умираю от любопытства, кто именно?

Лай Юй. Одна из них принцесса Ян.

Молодая дама. А еще?

Лай Юй. Герцогиня Вэйская.

По всему залу разносятся театральные шепоты:

— Кто?

— Герцогиня Вэйская.

— Герцогиня Вэйская.

— Герцогиня Вэйская.

Вторая молодая дама. Огонь уже захватывает верхушки.

Пауза.

Молодая дама. Еще кто?

Лай Юй. Несколько чижиков.

Юй Бэй. Смотрите-ка, сюда идет очаровательная маленькая пичужка. Давайте нажмем на нее.

Вторая молодая дама. Верно! В честь приезда надо ее посвятить.

Молодая дама. Привет, чижик!

Лай Юй. Присядь, чижик, и поведай нам о кровавых событиях в твоей жизни. Тебя, конечно же, обезглавили по дороге. Семь разбойников вынули тебя из паланкина и принесли в жертву татарской похоти. Тебе понравилось, чижик?

Ли Хуа. Во всяком случае, я была среди тех, кто последним покинул Лоян.

Лай Юй. Ах, ах какая доблесть! Сейчас ты получишь за нее щелчок по носу. И еще ты встретила по пути татарское войско? Не так ли? А может, ты видела их лишь на расстоянии? Слышала издали их посвист? Ах нет, они подскакали ближе, ты видела их пики, украшенные женскими волосами. Хочешь, я расскажу за тебя все, что ты видела?

Ли Хуа. Ничего я не видела. Я это и хотела сказать. Дороги были пустынные. Кругом царила полная тишина. Поскрипывал мой паланкин, вот и все, что я слышала, если не считать дыхания носильщиков. Зловещая тишина, как перед бурей.

Юй Бэй. Конечно же, ты заснула в паланкине. Нарочно усыпила все мысли, чтобы ничего нам не рассказывать. И таких пичужек У ссылает к Татарскому проливу, что тебе здесь делать?

Ли Хуа. Нет, я всю дорогу не сомкнула глаз. До самой девятой пагоды. Лишь тогда я заснула, помолившись сперва Будде и нашей высокой покровительнице, Богине, охраняющей границы.

Лай Юй. Это ж надо, какая невинность. И тебе не кажется, маленький ангелочек, что ты попала сюда к нам по ошибке? Что же ты натворила? Такие подробности мы стремимся узнать в первый же день.

Ли Хуа. Перед тем, как я покинула Лоян, мне обещали...

Юй Бэй. ...обещали что?

Ли Хуа. ...что ни одна дама в Дальнем прибежище не беседует с другими о том, что было.

Юй Бэй. Это касается только убийц. Неужели ты... Нет, нет, и не пытайся внушить нам... такой очаровательный, маленький чижик...

Ли Хуа. Не трогайте меня.

Лай Юй. Нет, не выйдет! Ты еще расскажешь нам про Лоян.

Юй Бэй. Это предписано Образцом в нашей школе и не пытайся уклониться.

Молодая дама. Оставьте же ее, наконец.

Вторая молодая дама. Да, да, оставьте. Ей очень нелегко.

Лай Юй (*перестает терзать новенькую*). Кому из нас было легко вначале. Приходится и сносить кое-что, чтобы потом легче было смириться с татарами.

Юй Бэй. А как же, а как же, а как же...

Ли Хуа, вся растрепанная, отходит в сторону, чтобы привести в порядок волосы и платье. Входят три учительницы. Дамы смолкают.
Утреннее приветствие.

Ши Мо. К верандам. Повторяйте про себя заданные тексты. Ступайте.

КАРТИНА 4

Три учительницы, Ши Мо, Цзи Юнь и Юй Дань, проводят утренний совет. Только что доставили свежую почту, и Ши Мо занята развертыванием писем.

Цзи Юнь. Что пишут нового из Лояна?

Ши Мо. Надсмотрщица имперских тюрем Му Фэнь, которая должна была посетить нашу школу в этом месяце, сообщает, что намерена отменить свою поездку по провинциям.

Юй Дань. Отменить? А мы так готовились к ее посещению. Причину она не называет?

Ши Мо. Небезопасность дорог, ведущих из Лояна. Беспорядки у Стены на севере. Слухи о татарском войске. Вообще же она желает нам всего наилучшего и выражает надежду, что нам и на этот раз не придется воспользоваться Украшением для волос.

Цзи Юнь. Хорошо ей выражать надежду, когда она сидит у себя в Лояне под защитой десяти тысяч лучников.

Ши Мо. Но многое может измениться.

Цзи Юнь. Недалек день, когда Образец повиновения подвергнется проверке.

Ши Мо. У нас нет ничего, кроме повиновения. Мы

только потому сумели избежать Железных рук, что приняли полупомилование, а с ним и ножи из страны Вэй.

Юй Дань. Когда идет война, полупомилование тоже может обернуться смертным приговором, если мы будем окружены.

Ши Мо. Пока еще не произошло ничего, что изменило бы полупомилование, и я запрещаю кому бы то ни было расписывать здесь всякие ужабы. Я знаю, у нас у всех есть причина упрекать императрицу. Но даже упрекая, мы должны оставаться в рамках повиновения. Сперва надо повиноваться, а потом упрекать. Но упрекать, нарушая Образец, значит бунтовать. Образец повиновения должен быть соблюден при всех обстоятельствах. Образец учит дам из дома Тан, как им надлежит себя вести. Вам ясно?

Цзи Юнь. Да.

Юй Дань. Да.

Ши Мо. Жалобы поступали?

Юй Дань. У герцогини Вэйской в комнате сквозняк. Кроме того, она видела у себя крыс, на что и приносит жалобу. Она просит, чтобы ей позволили держать кошку.

Ши Мо. Я советую герцогине установить у себя в комнате две мышеловки. Терпеть не могу кошачий запах в наших павильонах и вообще побаиваюсь этих карликовых тигров, когда они шныряют по дому. Итак — мышеловки в комнату герцогини.

Юй Дань. Мин Ши, баронесса Ши, придворная дама пятого ранга, жалуется на томимых бессонницей дам, которые ночью разгуливают по Восточной веранде. Баронессе очень мешают их прогулки, она просит перемен.

Ши Мо. Проследите за тем, чтобы во время ночных прогулок по веранде дамы не носили деревянных туфель. Дозволяются только войлочные, либо носки. Мне и самой нередко мешал их стук. Сообщите баронессе о переменах.

Юй Дань. Служительница придворных гардеробов Нань Хуа просит разрешения перешить свое платье. Оно протерлось на заду.

Ли Хуа. Разрешить. Нань Хуа большая искусница.

Цзи Юнь. Первая придворная дама Лай Юй из дома Суй испрашивает для себя и своей сестры разрешения поменять спальные места. Она утверждает, что ее спальня находится ближе к татарам.

Ши Мо. Неверно. На самом деле Лай Юй — женщина не робкая и выносливая, но она любит поднимать шум и учинять беспорядок. Отклонить.

Цзи Юнь. Придворная камеристка Чин Ньен ходатайствует о дозволении совершить паломничество в Длайский монастырь, что в горах Тайхань. Она ссылается при этом

на сопроводительное письмо, которое выделяет на паломничество шесть дней ежегодно.

Ши Мо. Бедная девочка, она не понимает, о чем говорит. Здесь никто не может использовать дозволенные императрицей шесть дней. Надо просветить ее на этот счет. Скажите Чин Ньен, что ей разрешено побеседовать с монахиней Бэй. Еще жалобы есть?

Цзи Юнь. На сегодня—все.

Ши Мо. Остается лишь письмо из Лояна. В нем сообщается, что фаворитка Нань Фэй впала в немилость.

Цзи Юнь. Вот уж поистине печальное известие. Вероятно, мы увидим ее здесь?

Ши Мо. Полагаю, что увидим. Ей предложили выбирать между нами и границей пустыни Шиам.

Юй Дань. Тот, кто опасается за свежесть своей кожи, никогда не выберет пустыню. Что может предпочесть фаворитка?

Цзи Юнь. Значит, она приедет сюда.

Ши Мо. Она бы уже приехала, но герцогиня Вэйская не пожелала путешествовать в таком обществе. Вот почему паланкин с фавориткой несколько придержали. У меня сохранились самые тягостные воспоминания о Нань Фэй. Она вконец распущена, крайне строптива.

Цзи Юнь. Я тоже огорчена. У Нань Фэй каждый день новые причуды.

Юй Дань. У нее много причуд. Одна хуже другой. До сих пор у нее было достаточно власти, чтобы отыгрываться на окружающих. Нам нелегко с ней придется.

Ши Мо. Интересно, успеет ли она прибыть сюда раньше, чем татары?

Юй Дань. Почему ты так говоришь?

Ши Мо. Да, почему я так говорю? Так сказало. Еще дела есть?

Юй Дань. Алтарная рабыня Лай не может больше терпеть. Ее каждодневно дразнят и осыпают ругательствами. Это ужасно.

Цзи Юнь. Все ненавидят обряд с ножами из страны Вэй. Большинство предпочло бы лично выбрать для себя наиболее подходящую форму почетной смерти. Необходимость повиноваться при совершении смертного обряда возмутительна. Я сама принадлежу к числу тех, кто считает, что Украшение никого больше не красит.

Ши Мо. А я остаюсь при своем мнении: упрекать можно лишь в пределах повиновения. Если Владычица империи проведает, что дарованное ею полупомилование вступило в противоречие с Образцом повиновения, она его отменит, мы будем доставлены в Лоян и отданы во власть

Железных рук. Вот как просто истолковать нашу ссылку на берега Татарского пролива. Проще простого.

Юй Дань. Великая засуха в нашей провинции может очень скоро стать главной заботой императрицы.

Цзи Юнь. И нашей тоже. Крестьяне-арендаторы могут забыть про нас и отправиться в паломничество.

Ши Мо. Это называется паломничество? Сваливают на засуху, а сами бегут от татар. Умеют играть словами и прятаться за спиной у Будды.

Цзи Юнь. Между прочим, для нас было бы куда спокойнее, если бы крестьяне и впрямь ушли. Угроза татарского нашествия при поспешном бегстве может побудить их к грабежу и насилию.

Юй Дань. Ты права, Цзи Юнь. Крестьяне могут вдруг забросить и аренду, и имперские поля. Всего бы лучше нам самим взять аренду и отпустить крестьян. У нас ведь есть наши украшения.

Ши Мо. Наши украшения нужны нам, чтобы спасти тридцать дам из дома Тан.

Я думаю, что дамам, может быть, стоит попытаться совершить невозможное — достичь за столь короткий срок монастыря Длай. Разумеется, шесть дозволенных дней — этого слишком мало. Все знают, что на дорогу туда и обратно нужен месяц. Но Образец повинования не возбраняет нам попытку воспользоваться разрешением императрицы, единственным разрешением, которое она нам дала. Учительницам нелегко действовать. Они должны наставлять, следовать правилам, проверять задания. Когда они начинают действовать, они чаще всего ведут себя нелепо, словно жизнь — это всего лишь школа, а они в ней новички. Но я все больше прихожу к выводу, что надо попытаться совершить хоть какие-нибудь действия.

Цзи Юнь. Когда ты собираешься поговорить с монахиней Бэй относительно паломничества через горы?

Ши Мо. Я уже поговорила с ней.

Цзи Юнь. И что она ответила?

Ши Мо. Она ответила, что в рамках Образца это невозможно. Что срок, отпущенный императрицей, слишком мал.

Юй Дань. И ты удовольствовалась ее ответом?

Ши Мо. Нет. Я подступилась к ней с неподобающей резкостью.

Цзи Юнь. Что она ответила тогда?

Ши Мо. Она ответила, что в таком случае не станет удерживать нас от попытки совершить невозможное, разумеется, в рамках, предписанных Образцом. Одновременно она предостерегала нас от попытки использовать

религиозное паломничество как возможность мирского бегства.

Цзи Юнь. Еще одно искушение. А уж затем — нирвана.

Ши Мо. Я запрещаю выдавать кощунство за сутру.

Цзи Юнь. Прошу прощения. Но как ты попытаешься совершить невозможное?

Ши Мо. Я намерена взять заложника из горного клана. Он знает все горные тропы, которые больше никому не ведомы и которые сокращают путь. А вдруг тогда невозможное станет возможным, в пределах повинования?

Юй Дань. А сроки?

Ши Мо. Сообразуясь с угрозой татарского нашествия. Не чересчур рано, но и не чересчур поздно.

Юй Дань. Понимаю.

Ши Мо. Но до тех пор все должно идти своим чередом. Слухи пресекать, тревогу рассеивать.

Цзи Юнь. А занятия?

Ши Мо. Как и прежде. Без изменений.

Юй Дань. Значит, договорились?

Камеристка Вай (*входит*). Пришли деревенские женщины. Просят, чтобы ты совершила жертвоприношение плодами и травами.

Ши Мо. Пусть войдут. А слугам прикажи, чтобы после жертвоприношения им выдали рис. Пять мер. Они за ним пришли.

КАРТИНА 5

Входят крестьянки, с просительным видом и лстивыми ужимками. По знаку Ши Мо протягивают ей принесенные изваяния домашних богов.

Первая крестьянка. Высокая повелительница! Никто не сумеет благословить наших малых богов так, как это делаешь ты.

Ши Мо. Рис, который вам нужен, сейчас отвешивают в кладовых.

Вторая крестьянка. Повелительница! Как уже не раз бывало раньше, ты сделала так, чтобы наша молитва богам была услышана прежде, чем мы покинули этот дом. Хе-хе-хе.

Третья крестьянка (*от подобострастия буквально вылезает из кожи*). Вот и я то же говорю. Слово в слово. Мы желаем тебе, как и во все времена, обильного урожая с тех полей, что ты сдаешь в аренду, с имперских

угодий. Да прольются твои молитвы дождем на нашу деревню.

Вторая крестьянка. О повелительница!

Первая крестьянка. О повелительница!

Ши Мо. Умоляйте!

Крестьянки склоняются для молитвы, в то же время тщательно оправляя свои одежды.

Перед лицом Богини риса я взываю к Богине солнца и к тем божествам, которые обитают на возделанных папнях, в бурных водах и на высоких горах и которых именуют источником жизни и источником благодати и божественными созидателями и божественными вершителями, да ниспошлют нам боги богатый урожай и сочную кормовую траву, а на ветках деревьев обильную листву и спелые фрукты. И я вознесу хвалу богам, я пожертвую им тысячу колосьев первого урожая, высоко подняв кружку рисовой водки. Пожертвую я и другие предметы, имеющие красивый стебель. Я пожертвую три циновки, сплетенные из пакли и соломы отборных растений. Эти богатые дары принадлежат вам всем и преподнесены небесному младенцу.

Крестьянки выпрямились и поднимают глаза к алтарю. Ши Мо возвращает им домашних богов, которые перед началом молитвы были расставлены у Рисового алтаря.

Первая крестьянка. Тысячи лет солнца.

Ши Мо. В кладовые!

Вторая крестьянка. Тысячи лет солнца. Боги наверняка услышали твою молитву, о повелительница! В кладовые.

Крестьянки выходят, учительницы следуют за ними.

КАРТИНА 6

Слышатся приближающиеся удары гонга: в большом зале принимают фаворитку Нань Фэй. Облаченную в роскошные одежды, ее выталкивают на «эстраду». Молчание. Ши Мо обходит вокруг нес.

Нань Фэй. Сколько раз ты уже обошла вокруг меня?

Пауза.

Да, да, я понимаю, что уже первая встреча должна быть мучительна. Как это у вас вообще начинается?

Ши Мо. Что начинается, Нань Фэй?

Нань Фэй. Я знаю, императрица отдала приказание, которое тебе самой наверняка неприятно.

Ши Мо. Ах, значит, ты прочла сопроводительное письмо?

Нань Фэй. Сидя в паланкине, я позволила себе такую вольность.

Ши Мо. И ты не удивлена?

Нань Фэй. Ни капельки. Мне знакомы почти все игры, в которые императрица играет со своими куколками. Давай лучше побеседуем как кукла с куклой. Так будет легче для нас обеих.

Пауза.

Надо собрать в круг всех сосланных дам, меня поставить посредине в самом роскошном одеянии, а четыре рабыни должны сорвать с меня платье. Ведь так?

Ши Мо. Да, так она повелела.

Нань Фэй. Как тебе известно, она всегда во что-нибудь играет, когда придумывает наказание. Три ножа — это всего лишь одна из ее игр. А в моем случае ей, должно быть, привиделись четыре коня. Четыре коня с плато Ордос. Она у нас такая начитанная, наша императрица.

Ши Мо. Ты уже знаешь мое мнение. Это крайне мучительно и неприятно.

Нань Фэй. Разумеется. Это тоже входит в ее манеру обращаться с теми, кто ей подвластен. Она издевается над теми, кого терзает. Заставляет, например, почтенную и законопослушную наставницу неожиданно для себя раздевать главную фаворитку Тан.

Ши Мо. Ты знаешь, что я испытываю сомнения. И все же я не позволю тебе поносить нашу императрицу. Образец повиновения требует, чтобы я это запретила.

Нань Фэй. Твое повиновение в конце концов обернется для тебя тягостным лицемерием. От твоего повиновения в конце концов ничего кроме лицемерия не останется. Как будто тебе и без того мало унижений. Я права, Ши Мо?

Ши Мо. Может, и права. Слова всегда складываются в нечто похожее на истину. Во всяком случае они способны сокрушить сердце. А есть истины совсем ужасные. От них в сердце воцаряется смерть.

Нань Фэй. Видишь, я просто хотела напомнить о том, что таит в себе человек долга: подпорченную и подгнившую невинность, загнившее в сердцевине чувство долга. Это нелегко. Я сама никогда не занимала таких постов, чтобы испытывать подобные затруднения. Я всегда обладала жестоким красноречием, способным сокрушить сердце истинами, которые не задевали меня. Впрочем, не надо забывать про предстоящую нам забавную игру. Я имею в виду приказ императрицы и твое

повиновение, и то и другое сказочные. Итак, когда же начнется веселая игра? Когда куклу-фаворитку разорвут на четыре части?

Ши Мо. Ровно через час. Сейчас все находятся на верандах. Занятия по дисциплине. Когда загремит медный барабан, будь готова.

Нань Фэй. А ты, ты тоже готова?

Ши Мо. Я испытываю сомнение.

Нань Фэй. Ты, учительница повиновения, ты, воплотившая в себе дух повиновения, как ты можешь вдруг сомневаться? И почему?

Ши Мо. Поскольку повиновение и месть суть две различные вещи, либо по меньшей мере должны быть различны, чтобы долг и зло не слились воедино, постольку я и сомневаюсь.

Слышен звук медного барабана. Три удара.

Нань Фэй. Медный барабан. Они идут.

Ши Мо. Только мы с тобой знаем, что написано в сопроводительном письме. Смотри не проговорись, тогда и я не проговорюсь. Многие попали сюда по твоей милости. Я знаю, что встреча и без того будет мучительна, при их ненависти к тебе и при твоём языке. *(Дает знак.)*

Остальные входят, толпятся позади нее.

Это главная фаворитка Нань Фэй. Наша новая ученица. Она желает поздороваться.

Цзи Юнь. Меня зовут Цзи Юнь. Я учительница.

Юй Дань. Меня зовут Юй Дань. Я учительница.

Нань Фэй. А ты Лай Юй. Тебя я узнала. Это ты написала письмо ненависти на мое прибытие. Как тебе живется? Ты все еще ненавидишь меня? Хотя едва ли, целая жизнь человеческая — и та не может дотянуться до этого отдаленного павильона на берегу Татарского пролива.

Лай Юй. Я ни в чем не раскаиваюсь.

Нань Фэй. Конечно, я поняла это по тону твоего приветственного письма, посланного тобой в надежде, что, едуци сюда, я остановлюсь на полпути и предпочту пропасть у Ханьлинлуня. Признаюсь, вид оказался поистине головокружителен. Я испытала это, и меня охватило темное желание. Твое описание соответствует действительности: там глядишь в глаза самой смерти.

Лай Юй. Лучше бы тебе испытать это на дне.

Нань Фэй. Вот наконец ты и выразилась не столь изысканно. Как отрадно, когда в кои-то веки можно обойтись без твоих вечных выкрутас.

Герцогиня. Меня зовут Тань Хуа, я герцогиня Вэйская.

Нань Фэй. Сожалею, что встретила вас здесь, герцогиня. Судьба неудачно выбрала место для павильона, где вы будете ждать своей зимы.

Чень Ван. Чень Ван. Походная шляха при северном войске.

Нань Фэй. Ты как сюда попала? Из чьей постели?

Ши Мо. Запрещаю подобные расспросы.

Нань Фэй. Это дело семейное, наставница. Мы с ней обе когда-то служили под началом у одного сластолюбца — под нижней крышей неба. Мы были сожительницами на пару. Мы беседовали друг с другом поверх мерзостного тела этого сластолюбца. Казалось, будто мы перекликаемся через щетинистый хребет. *(Обращаясь к Чень Ван.)* Сестра по несчастью, я всей душой сострадаю тебе.

Ли Хуа. Меня зовут Ли Хуа. Я музыкантша.

Нань Фэй. Перестань дрожать. Ты, никак, думаешь, что я — Рисовая императрица.

Принцесса Ян. Принцесса Ян.

Нань Фэй. Очень приятно. Позвольте мне выразить пожелание, чтобы могущественный враг принцессы как можно скорей утратил охоту держать молодых принцесс взаперти среди гор.

Принцесса Ян. Спасибо за заботу. Уж не само ли небо ко мне взывает?

Нань Фэй. Нет, уж если ты хочешь знать, это не небо, а роскошная плоть, которой твой высокий дядюшка, принц Ян Ли, однажды, нежась в пуховиках, ласково прошептал на ушко изысканное прозвище: «О ты, богиня-дитя тепло-розового осеннего полнолуния». Красиво звучит, не правда ли? И знай, что предмет его неправдоподобных воцелений весело смеялся все время, пока светила луна.

Ши Мо. Довольно. Ступайте на веранду.

Выходят все, кроме Ши Мо и Нань Фэй.

Нань Фэй. Почему ты сказала «довольно»? Я многое еще могла бы порассказать им.

Ши Мо. Ты сейчас находишься у Татарского пролива. Надеюсь, у вас еще будет возможность увидеться.

Нань Фэй. Ты что этим хочешь сказать?

Ши Мо. А ты подумай. *(Рабыням.)* Прислужницы, отведите эту высокопоставленную особу в закрытый флигель.

Рабыни уводят Нань Фэй. Входят слуги и крестьяне, перешептываются. На переднем плане Ши Мо и Юй Дань.

Юй Дань. Слуги пришли попрощаться.

Ши Мо. Я этого ждала. Засуха и татарская угроза гонят их. Ты уже выписала им охранный грамоту?

Юй Дань. Все готово.

Ши Мо. Ты рассчитала их?

Юй Дань. Да, все подсчитано. *(Прикрепляет длинный свиток к пюпитру перед Ши Мо и зачитывает вслух несколько записей, сверяясь с собственными пометками.)* Посмотрим, посмотрим. Водоносу — пятнадцать серебряных монет и три меры риса. Стражу пагоды — одиннадцать серебряных монет и две меры. Крестьянам-арендаторам Ли и Вану совместно с женами, дочерьми и малолетними сыновьями общим числом пятнадцать едоков по семь мер риса на едока плюс скидка с аренды шесть золотых. За вычетом старших сыновей, призванных на войну у Стены. Далее, деревенский кузнец Гун с семьей, пять едоков, три меры на едока, девять монет. Не считая рабынь Вай и Ба как низших рабынь. И считая рабыню Лай как пожизненно приставленную императрицей к ритуалу. За все про все двадцать четыре едока.

Ши Мо. Соберемся в кружок, пока они обсудят, что им говорить на прощание. Полагаю, они не скоро подыщут весомый предлог.

Учительницы сбиваются в кучку возле алтаря и как бы совещаются.

Садовник. Лучше всего, если бы прямо сказать ей, что мы хотим бежать.

Страж пагоды. Ничуть не лучше. Лично я завел бы речь о другом прибежище, том, что поименовано в буддийской сутре. Короче, о паломничестве.

Садовник. Для тебя это годится, но мы, остальные, мы ведь просто уходим. И охотно признаем, что боимся смерти.

Вай. Да, нечего толковать про паломничество, когда вы просто-напросто хотите убежать.

Страж. Может, ты и права, но что нам остается делать? Уж если человека обуял страх... кто начнет, ты или я?

Вай. Скажи все как есть...

Страж. Может быть. Но ты ведь стоишь ближе к нашей повелительнице. Ты служила ей по дому, я же только в пагоде.

Вай. Ты просто не смеешь. Ты боишься, как бы она

не подумала, что ты решил сбежать. А хоть бы и так...

Страж. ...все равно, это должно выглядеть по-другому. Вот почему я и просил тебя объяснить ей все как есть, тебя, которая больше других с ней связана.

Входят остальные арендаторы. Стоят и слушают.

Скажи, к примеру, так: некий голос призвал нас к странствию. Мы услышали, как бьет колокол пилигримов. Кстати, я знаю, что она при этом спросит.

Вай. Тем лучше. Тогда ты можешь загодя продумать свой ответ и приступить к делу.

Страж пагоды. Она скажет примерно так: не странно ли, что голос откровения прозвучал в спокойном Чжэцзяне, где царит мир и благоденствие и даже не пахнет беспорядками.

Вай. На это ты сумеешь ответить, Ван Лин. Ты ведь так понаторел во всем, что касается странствий.

Страж пагоды. Понаторел, это верно. Но когда мы начнем объяснять все это повелительнице, она...

Верная служанка (*обращаясь к стражу*). И это называется страж пагоды! А знаешь ли ты, что начертано на каменных плитах святой пагоды в Чэнтине: «О, не взывай ко мне, усталый пилигрим, я—пагода в Чэнтине. Я каменный цветок, возросший к небу. Не почва тучная меня взрастила, не в землю я корнями углубилась, о нет, я возвращена сердечной верой, опорой сутра мне, святая мудрость Будды. Страна, где я покоюсь, есть страна души, куда я указую, там процветает мир, блаженства ясный свод, и цель моя—Нирвана. Подумай, пилигрим, держись премудрой сутры, оставив позади мирскую суету. Здесь страны света все слились в одной, ты шествуй с твердой верой, пилигрим, и мир души тебе наградой будет».

Вай. Ну, слышал? Она права. Она знает истинное ученье.

Страж пагоды. Может, это твоя вера, но не моя она. Живи и дальше в своей вере, которая закрывает глаза на остальной мир, в своей стране, где слились все страны света. Где она, по-твоему, лежит, эта школа, изо дня в день осаждаемая толпами рыцарей?

Верная служанка. Вблизи границы школа та лежит. К границе и придешь, коль убежать захочешь. К границе, и не дальше.

Вай. Зачем же тогда бредут по дорогам пилигримы?

Верная служанка. Они не бредут по дорогам. Они уходят от мира. Но не обретут покоя души тех, кто

прикрывает именем Будды простое бегство, вызванное страхом.

Тем временем Ши Мо подходит ближе, слушает.

Ши Мо (*испуганно повторяет, обращаясь к себе самой*). Не обретут покоя души тех...

КАРТИНА 8

К Ши Мо внезапно бросается напуганная служанка.

Ба. Повелительница! Он идет. Да охраняют нас боги.

Ши Мо. Кто идет? Скажи толком.

Ба. С ним его оруженосец, тот идет первым.

Показывается оруженосец.

Ши Мо. Стой за дверь. Не вноси сюда оружие. Это дом, где обитают одни женщины.

Оруженосец (*замедлил шаги и остановился в дверном проеме*). Высокая наставница, мы доставили донесение из Лояна. Мы должны сообщить тебе о предстоящих событиях. Это сделает гонец.

Гонец входит.

Гонец (*читает, развернув свиток*). Управление, ведающее имперскими дорогами и Стенами, повелевает: «Все население, проживающее от Стены не далее чем в пятистах ли, должно беспрекословно повиноваться. Большое татарское войско на рассвете сего дня сокрушило валы между пятнадцатой и четырнадцатой башнями в северной части Стены. Население соответствующих округов должно незамедлительно собраться в свои пагоды для переписи. Всякий, кто не последует этому распоряжению, карается смертью. На сосланных действие приказа не распространяется».

Гун По, по распоряжению императрицы У, властительницы империи Феникс. (*Отвешивая с видом сожаления многочисленные поклоны, выходит*.)

Ши Мо стоит несколько мгновений, словно окаменев. Ударяет себя по лбу опахалом и начинает судорожно обмахиваться.

ДЕЙСТВИЕ II

КАРТИНА 9

Утренняя молитва и занятия. Молодые дамы из дома Тан выстроились стройными рядами. Опустившись на подушки, разбросанные на полу, вдруг начинают твердить урок, неясное бормотание наполняет воздух. По знаку Ши Мо бормотание стихает.

Ши Мо. Утренняя молитва. После чего учительницы по очереди зачитывают тексты учителя Куна. «Воля неба не отделена от нас стеной непостижимости. Постичь волю неба возможно. Мы затем и ходим в школу, чтобы научиться возделывать жизнь с помощью дарованных нам добродетелей, как крестьянин возделывает землю своим плугом».

Цзи Юнь. «Всякой добродетели приличествует подобающая форма. Придать добродетели форму образца, достойного подражания, и значит воспитывать, как повелело само небо».

Юй Дань. «Каждая добродетель имеет соответствующее имя. Количество их определено числом пять. При этом количество естественных связей определено тем же числом пять. Что и называется истинно ограничивать. У слабого есть тысяча добродетелей. У праведного их пять».

Вдали раздается звук монгольской трубы. Все прислушиваются. Ши Мо нарушает тишину.

Ши Мо. Продолжим с того места, на котором мы остановились прошлый раз, с упражнения девятнадцатого. Ли Хуа, начинай ты.

Ли Хуа. Весенним днем в рассветный час я прогуляться вышла по берегу Наньли, реки великой. Я видела, как на волнах качались рыбацкие челны, и в памяти моей легенда ожила, а может, не легенда, а преданье о мастере по имени Ти Фэнь, о сыне побережья.

Ши Мо. А теперь Лай Юй.

Лай Юй. Гордясь своим умением ловить рыбу тай, на берег по семь дней не возвращаясь, он пересек границы океана и там случайно повстречал царя морского дочь.

Ли Хуа. Удостоверясь во взаимной любви, они поклялись друг другу в верности и отбыли в страну бессмертия, лежащую глубоко во владениях морского царя, отбыли, чтобы навечно остаться там, не старясь и не умирая.

Лай Юй. А вот с какими словами обратился он к своей жене: «О ты, самый дорогой для меня человек в этом мире! Я хотел бы ненадолго вернуться домой, чтобы попрощаться с отцом и с матерью. А затем я вернулся бы к тебе, чтобы вечно жить в твоих объятиях на твоей груди».

Ли Хуа. Дочь морского царя, его супруга, протянула ему некий ларец со словами: «Если ты хочешь вернуться в заповедные глубины нашего счастья, не открывай ларец, не открывай».

Ши Мо. На сегодня довольно. До завтра поупражняй-

тес в написании зачитанного текста. Учительница чистописания Вэй Фуйен очень любила это упражнение, поскольку оно содержит много интересных падежных сочетаний. Они весьма поучительны.

Звук монгольской трубы.

Не забывайте, что было сказано ранее о каллиграфии. Начертание знаков все время должно меняться. Четкость и симметричность запрещены. Порядок здесь должен выглядеть как нечто вполне естественное. Для начала надо в полном спокойствии сосредоточиться на предстоящем задании, за работой делать своевременные паузы. Дыхание спокойное. На этом я вас покину. Но раньше пусть выйдет вперед Ли Хуа.

Ли Хуа (*встает*). Да, высокая наставница.

Ши Мо. Как только стемнеет, тебя посадят в подпол, в «Гнездо для сплетниц». Ты распускаешь слухи о татарском нашествии и о беспорядках возле Стены на севере. Подобные слухи в свою очередь порождают новые. Обдумай свое поведение.

Ли Хуа. Да, высокая наставница, я обещаю сокрушить свое сердце.

Ши Мо. Сидя в «Гнезде сплетниц», обдумай, станет ли кому-нибудь легче жить от распространяемых тобой слухов.

Ли Хуа. Да, высокая наставница.

Ши Мо. Вернись на свое место.

Цзи Юнь. Они приближаются.

Ши Мо. Как я слышала, они высылают перед собой отдельных воинов для запугивания. А само войско еще очень далеко. Мне известно также, что лучники Ляна еще удерживают проход у Тин Тай.

Цзи Юнь. Во всяком случае, я считаю ошибкой наказывать за распространение слухов, когда дело уже зашло так далеко.

Ши Мо. Мы должны наказывать. Все наши упования могут быть основаны лишь на повинении. И я не желаю на будущее, чтобы какие бы то ни было слухи сеяли панику.

Цзи Юнь. Как хочешь. На твою ответственность. (*Хлопает в ладоши.*) Отдых на верандах.

Снова раздаются звуки монгольской трубы, и на сей раз гораздо громче прежнего. Ученицы выказывают явное беспокойство. Одна из них издает крик ужаса.

(*Подходит к ней.*) Кажется, наша милая маленькая ученица Альлуте вскрикнула. Ты почему вскрикнула?

Альлуте. Потому что в Чили идет война.

Цзи Юнь. В Чили нет и не может быть никакой войны, пока вам не скажут об этом ваши учителя. Перемена!

КАРТИНА 10

Все выходят. Лай Юй и Юй Бэй подходят к Ли Хуа и шепчутся.

Лай Юй. Ты не бойся, Ли Хуа, но и сопротивляться тоже не пробуй.

Юй Бэй. Мы принадлежим к немногочисленному дому, дому Суй. Дом этот искони славился своим бунтарским духом потому, что он такой маленький. Ты поняла?

Ли Хуа. Сестра по несчастью, я не понимаю тебя.

Лай Юй. Малые дома всегда держатся вызывающе. И нетрудно понять, что наш дом в правление императрицы У стал еще малочисленнее, стал исчезающе мал, был почти целиком уничтожен. Вот почему мы и хотим посвятить тебя в свои планы.

Ли Хуа. Я боюсь, и сердце мое стынет от ужаса.

Лай Юй. Мы знаем, почему твое сердце стынет. Мы все о тебе знаем, Ли Хуа.

Юй Бэй. Да, Ли Хуа. Мы подслушивали в ту ночь, когда тебя доставили, и знаем теперь все. Ты осуждена за непредумышленное убийство придворной дамы Тьень Минтан, но вместо Железных рук ты сослана сюда, к Татарскому проливу, на полупомилование. Мы обе намерены защитить тебя от всех остальных и будем держать твою тайну про себя. Тогда они могут поверить, что и ты принадлежишь к нашему маленькому дому.

Ли Хуа. А чего вы от меня хотите?

Лай Юй. Ты должна принять участие в небольшом бунте. Наш дом всегда устраивал небольшие бунты. Я говорю: небольшие, но и они становились все меньше и меньше по мере того, как наш дом приближался к своему уничтожению. Вот почему здесь самое подходящее место для маленького, но дерзкого бунта посреди этого безумного повиновения императрице У. А теперь выслушай быстренько наш план. Мы собираемся убить Лай, ритуальную рабыню. Когда она умрет, здесь не останется больше никого, кто имеет право выполнять ритуал У Цзэтянь.

Ли Хуа. Я не могу больше никого убивать. Лучше убейте меня.

Лай Юй. Глупышка, что нам в твоей смерти? Да я не стала бы тебя убивать, даже если бы ты вспорола мне живот.

Юй Бэй. Мы и рабыню не собираемся убивать так, как ты это себе представляешь.

Лай Юй. Мы хотим убить ее репутацию.

Юй Бэй. Всего лучше, если мы заставим ее потерять самообладание и забыться до такой степени...

Лай Юй. ...чтобы стать смешной.

Юй Бэй. Тогда она утратит достоинство перед лицом наставниц. Это мы двое и называем убийством: Лай умрет, если ее признают недостойной для той глубокой серьезности, которую предписывают три ножа из страны Вэй.

Ли Хуа. Боюсь, мне будет трудно участвовать в столь сложной затее. Мои достойные родители частенько говорили, что я навсегда останусь дамой-младенцем на грани детского простодушия.

Юй Бэй. Даже самые простодушные могут натворить много бед. Более ужасных, чем то, чего мы требуем от тебя. Мы можем себе представить, как ты дошла до убийства. Тебя долго изводили. Потом причинили тебе совсем нестерпимую боль, и, прежде чем ты успела одолеть свой страх, самое ужасное уже случилось. Самозащита простодушной держательницы зеркала в будуарах империи Феникс внезапно приняла форму, совершенно чуждую твоей природе, форму чисто женского будуарного убийства. Вот видишь, как легко может выйти из себя даже самое милое создание. Да, а чем ты ее убила?

Ли Хуа. Гребнем. Густым серебряным гребнем с острыми зубьями, которые вспороли шейную артерию.

Лай Юй. Все ясно. Ты должна была причесать ее. Она о чем-то спросила, и тут на тебя нашло, но это долго зрело в тебе. Из-за какого мужчины все случилось?

Ли Хуа. Из-за музыканта по имени Лин Вань.

Лай Юй. Ну, о нем мы выпытывать не станем.

Юй Бэй. Наверняка он был прекрасный любовник.

Лай Юй. Мы просто хотели привести пример из твоей собственной жизни.

Юй Бэй. Мы просто хотели убедить тебя, что ты вполне можешь принять участие в нашем заговоре. Мы требуем от тебя лишь одного: чтобы ты сидела в углу и била в плясовой барабан, покуда мы обе будем танцевать перед алтарем и играть ножами. Согласна?

Ли Хуа. Если посмею. Мое сердце стынет от страха.

Лай Юй. Мы уже поняли, что твое сердце часто стынет от страха. Придется нам его растереть, чтоб оно согрелось, раз уж другие способы не действуют. (*Щиплет Ли Хуа за грудь.*) Ну, пойдешь с нами?

Ли Хуа. Оставьте меня, ах, оставьте меня.

Юй Бэй. Я тебя спрашиваю: ты пойдешь с нами? Да или нет? Да или нет?

Ли Хуа. Да.

КАРТИНА 11

В знак протеста против императрицы У Цзэтянь и ее нелепого смертного ритуала Лай Юй и Юй Бэй пляшут вокруг алтаря и закальвают себя во время этой пляски. До того они заставили Ли Хуа отбивать такт на барабане. Бедная Лай тоже как бы пускается в пляс, она подпрыгивает и раскачивается на своем алтаре, являя тем самым картину собственной судьбы: она показывает, сколь невинна серьезность и безрассудна беспомощность того, кто не принадлежит ни стране живых, ни стране мертвых. Она пробует остановить танец, подает знаки, причитает, но тщетно.

Когда Лай Юй и Юй Бэй закальвают себя и падают, Лай издает короткий крик боли, а Ли Хуа в ужасе отталкивает барабан и спасается бегством. Барабан катится по полу, туда, где в тени лежат упавшие плясуньи. Чернота тени укрывает наготу смерти. Люди спешат на помощь. Смятение и ужас. Мало-помалу все расходятся и остаются только Ши Мо, Ли Хуа и Лай.

КАРТИНА 12

Ши Мо допрашивает Ли Хуа и Лай.

Ши Мо (*обращаясь сперва к Ли Хуа*). Ли Хуа, отвечай коротко и ясно, как это все случилось.

Ли Хуа. Они велели мне отбивать такт для их танца.

Ши Мо. И ты повиновалась?

Ли Хуа. Не сразу, но после.

Ши Мо. После чего?

Ли Хуа. После того, как услышала, что они последние из дома Суй.

Ши Мо. А что ты знала раньше о доме Суй?

Ли Хуа. Что во времена династии Тан он подвергался преследованиям больше всех других домов. Что он был почти истреблен.

Ши Мо. Дом Суй был мятежный дом. Он во все времена ставил мятеж выше повиновения. Их обвинения в адрес императрицы всегда имели один источник — недостаток повиновения. Теперь дома Суй больше не существует. Я сожалею о смерти этих двух и восхищаюсь их мужеством, но осуждаю их дикость. Дом Суй был истинным бедствием для империи. Если ты поняла, что я сказала, можешь идти, я больше не стану тебя допрашивать.

Ли Хуа. Ах, как пусто и одиноко на этой земле.

Прикажи мне что-нибудь, высокая наставница. Мое сердце полно греха и смерти.

Ши Мо. Учись постигать, что повиновение властительнице Феникса порой может быть хуже, чем грех и смерть. Тебе, пришедшей из братства Будды, надлежит прибегнуть со своими скорбями к монахине Бэй. (*Обращается к Лай.*) Лай, не могу ли я поговорить с тобой, как с остальными рабынями?

Лай. Да, повелительница, если о ритуале, то можно.

Ши Мо. Мы могли бы поговорить, как две женщины, исполненные страха.

Лай. Как две женщины, из которых одна исполнена страха.

Ши Мо. Я думала, ты разделяешь наш страх.

Лай. Я не разделяю ничьего страха. К чему бы это привело, если бы я тоже испытывала страх?

Ши Мо. Лай, неужели ты не понимаешь, о чем идет речь? О том, как нечто, чего мы не можем постичь, хотя оно живет в нас, пытается освятить смерть с помощью ритуала, либо бога.

Лай. Я не понимаю тебя, повелительница. Я не живу в том мире, где священные ножи и божье имя служат лишь для забавы. Я верю в богов, а тот, кто верит в богов, верит также и в смерть. Страх я не знаю. Но и счастья тоже. Одно лишь сожаление о том, что боги так суровы.

Ши Мо. Лай, выслушай меня. Я хочу тебе добра, я хочу быть твоим другом, но тобой завладела смерть.

Лай. Смерть — вот мое прибежище, смерть — вот мой друг.

Ши Мо. Смерть — твой друг? Даже если бы я могла почувствовать и понять, что тобой владеет вера, которую некогда исповедовал преследуемый и уничтоженный дом...

Лай. Ты и тогда не смогла бы это понять, не так ли, о повелительница? Ты ходишь по кругу. Твои мысли неизбежно вращаются вокруг смерти. А потом ты являешься сюда, чтобы ходить вокруг меня и моего алтаря. Вот и императрица...

Ши Мо. Что ты хотела сказать про императрицу?

Лай. Что она считает себя непричастной ко всему этому. Какое заблуждение со стороны императрицы! Что она может знать о смерти?! Она играет будто кошка, а смерть пускает в ход будто собственную лапку. Какая самонадеянность!

Ши Мо. Но...

Лай. Те, кто облечен властью, зачастую призывают смерть, когда считают ее уместной. Но смерть никогда не

бывает уместной. Мой дом это знал. Он не призывал смерть. Более того, в нашем доме почиталось смертным грехом использовать смерть как средство. Для нас смерть всегда была целью. Мы верили в смерть. И мы служили ей.

Ши Мо. Ты пугаешь меня, Лай. Но что ты... ты, помнится, хотела еще что-то сказать про императрицу?

Лай. Я хотела сказать, что императрица У Цзэтянь призвала меня. И тем совершила смертный грех, более тяжкий, чем все предыдущие грехи, вот почему я здесь.

Ши Мо. Расскажи, как она тебя нашла.

Лай. Если желаешь... Найти меня было нелегко. Жалкие остатки моего дома проживали в отдаленных горах Юньлин, где мы пасли коз и тем добывали себе пропитание. Однажды в нашу деревню заявился один из лазутчиков императрицы. Он привез дары, но верой нашего дома возбраняется принятие даров. Тогда он начал выпрашивать нас о наших богах. И сказал, что императрица не желает, чтобы наш дом канул в забвение. Более того, она желает возвысить его и снова возложить на него служение ритуалу У.

Ши Мо. Это сначала, а потом?

Лай. Меня и еще нескольких девушек отвезли в селение, где сохранился полуразрушенный храм У. Это была не более как руина, жалкие развалины, до самого верха заполненные всякой пакостью и камнями, которыми народ однажды забросал этот храм, когда наш дом подвергался преследованиям.

Ши Мо. Ах, значит, храм был восстановлен волей императрицы? И тебя оставили при храме для обучения ритуалу?

Лай. Да, повелительница. Спустя год меня послали служить. Я должна служить здесь. Я черная рабыня дома твоего. Призванная затем, чтобы в один прекрасный день принять тебя. А может, и в одну ночь. Ночью это получается легче. Когда тьма помогает теням собраться под ее крылом.

Ши Мо (*отпрянула в ужасе*). Если сказать, что ты напугала меня, это будет мягко сказано. Порой ты повергаешь меня в такой глубокий ужас, что я больше его не ощущаю. А потом он возвращается, обновленный страх, возникает снова и снова исчезает. К тебе бесполезно взывать.

Лай. Да, ко мне бесполезно взывать.

Ши Мо зябкими движениями вытирает руки о платье.

Последний совет. Подготовка к побегу.

Входит разбойник Гун Лу. На нем одежда горца. Лицо закрывает маска из бамбуковой щепы. Он снимает маску.

Гун Лу. Повелительница, меня зовут Гун Лу, и я пришел к тебе по твоей просьбе.

Ши Мо. Я призвала тебя, хотя не без страха и недоверия.

Гун Лу. Ты должна довериться мне, Ши Мо. Другого выхода у тебя нет.

Ши Мо. Речь идет о жизни тридцати молодых дам. Как мне узнать, что ты добрый человек?

Гун Лу. А как разбойнику быть добрым в предписанном смысле? Поэтому я оставляю тебе заложников, которых ты хотела. Мою молодую жену и маленького сына. Удовлетворят ли тебя эти заложники? Я отойду в сторонку, а ты потолкуй с ними.

Ши Мо (*обращаясь к жене разбойника, которая выходит вперед, держа на руках маленького сына*). Это твой сын?

Жена разбойника. Да, повелительница.

Ши Мо. Ты уверена, что твой муж любит тебя и твоего сына?

Жена разбойника. Я знаю и верю, что в своем сыне он любит меня, подобно тому, как во мне любит своего сына.

Ши Мо. Берет ли твой муж других женщин к себе в постель?

Жена разбойника. Нет, повелительница. С тех пор как я родила ему сына. Раньше это случалось.

Ши Мо. Ты очень красива. Для меня это просто торговое обозначение. Мы торгуем жизнью, а твой сын и ты — крупные монеты в этой торговле. Вот почему я хочу кое-что спросить. Есть ли у тебя соперница, которая тоже красива? Которая еще красивее, чем ты?

Жена разбойника. Ты спрашиваешь, будто догадываешься. Потому я открою тебе, чего я боюсь: Шань Хуа еще красивее, чем я.

Ши Мо. А кто она, эта Шань Хуа?

Жена разбойника. Она — женщина из нашего рода. И прозвище у нее Горный цветок.

Ши Мо. Хорошо. Это я и хотела узнать. Отойди со своим сыном в сторонку, пока я буду разговаривать с твоим мужем. (*Разбойнику, который тем временем занял место жены.*) Я требую в залог еще одну живую монету.

Гун Лу. Разве моя жена и мой сын не годятся?

Ши Мо. Не терзай себя сомнениями, Гун Лу. Они более чем годятся. И в подтверждение моих слов давай украсим их пребывание здесь Горным цветком — прекрасной Шань Хуа.

Гун Лу. Это невозможно, повелительница. Ее родители никогда на это не согласятся. Она их единственная крупная монета.

Ши Мо. Я на свою ответственность проникаю в глубины твоего сердца и сердца твоей жены. Но речь у нас идет о жизни и смерти. И на сей раз дело касается тридцати молодых дам из дома Тан. Тридцать жизней против трех. Ты не можешь утверждать, что я недооцениваю эти три.

Гун Лу. Я и не утверждаю.

Ши Мо. Тогда приведи сюда Горный цветок. Когда дело будет сделано и ты отдашь ее на наше попечение, отведешь тридцать молодых дам через горы в монастырь Длай.

Гун Лу. Моя жена долго ревновала меня к Горному цветку.

Ши Мо. Ты боишься того, что может произойти? Обещаю тебе содержать этих женщин отдельно друг от друга, в отдельных клетках. Если я так сделаю, ты можешь, наконец, решиться?

Гун Лу. Я приведу Горный цветок.

Ши Мо. Когда тебя ждать?

Гун Лу. Ночью. После этого моя шайка может еще затемно отправиться в путь с дамами.

Ши Мо. Решено. А теперь ступай, не поговорив на прощание со своей женой. Так будет лучше. Это избавит вас от необходимости заглядывать друг другу в сердце.

Разбойник выходит.

КАРТИНА 14

Ши Мо входит в зал. Становится между двумя высокими клетками, где содержатся заложники. Решает сперва подойти к той, где сидит жена разбойника с ребенком.

Ши Мо. Тебе дают довольно пищи, чтобы хватало и ему?

Молчание.

Не то вот тебе кружка козьего молока.

Пленница. Спасибо за заботу, но я больше полагаюсь на собственные соки.

Ши Мо. Как тебе угодно.

Пленница. Мой сын уснул. Ты только посмотри, какой он красивый. И какой беззащитный.

Пауза.

Маленький, грудной ребенок, он ведь не виноват ни в чем, что бы ни случилось. Или он тоже виноват?

Ши Мо. Разумеется, нет. А ты думаешь, что-нибудь может случиться, там, в горах?

Пленница. Случиться может многое. Глубокие пропасти, снежные лавины. Ты заставишь тогда моего сына поплатиться за это?

Ши Мо. Пока еще с твоим сыном ничего не случилось, не так ли? Что ты еще хотела сказать?

Пленница. Если там, в горах, что-то случится, откуда ты узнаешь, было это несчастье или злой умысел?

Ши Мо. Пока с меня довольно и того, что твой муж бонится. Страх выведет его на верную дорогу.

Пленница. Бояться скорей надо тебе. Тридцать знатных дам, из которых любую можно продать на рынке невольниц. А потом представить дело так, будто в горах случилось несчастье. Однажды снежная лавина погребла под собой более сорока пилигримов. Как же ты узнаешь, что именно случилось?

Пауза.

Ты намерена тогда убить ребенка?

Пауза.

Скажи хоть что-нибудь. Или ты онемела от одной только мысли, что тебе придется совершить злое дело?

Ши Мо. Не опасайся я, что у тебя пропадет молоко, я залепила бы тебе хорошую затрещину. Я уже сказала тебе, что страха, который испытывает твой муж за тебя и за ребенка, достаточно, чтобы довести моих дам до цели их паломничества.

Ши Мо переходит к клетке, где сидит возлюбленная разбойника. Возлюбленная выглядит по-деревенски, одета в платье вроде татарского и очень хороша собой. Она всецело занята своим туалетом, разглядывает себя в ручное зеркальце и протирает свое лицо смоченной в шкатулке с благовониями тряпицей. Она бросает на Ши Мо бойкий и дерзкий взгляд и продолжает заниматься своим туалетом, отчасти напоминая при этом кошку, которая вылизывается.

Шань Хуа. Тебе интересно?

Ши Мо. Не очень. Просто мне надо приглядывать за тобой. Заложники, как я слышала, иногда накладывают на себя руки.

Шань Хуа. Я не наложу, можешь не тревожиться. Я

просто думаю о тех, кто сейчас в горах.

Ши Мо. Ах, вот как?! Ты, значит, не веришь в свою ценность, крупная монета?

Шань Хуа. Раз ты веришь, значит, и я верю. С чего бы ты иначе потребовала меня в заложницы?

Ши Мо. Вместе с тобой получается надежнее.

Шань Хуа. Приятно слышать. Ты, видно, разбираешься в торговых делах.

Ши Мо. Только когда речь идет о жизни и смерти.

Шань Хуа. Я знаю, положение у вас незавидное. С тридцатью дамами в горах.

Ши Мо. Знаешь ли ты высокие, самые высокие горы?

Шань Хуа. Смотря как знать. Я родом из высокогорного дома, что обитает дальше, к западу, рядом с туркменами.

Ши Мо. Я и по одежде вижу, что ты не здешняя.

Шань Хуа. Это дом Тоба. Он живет на горных уступах. Будто на полках.

Ши Мо. А это одежда вашего дома? Ну что ж, очень изысканно, сказала бы я, хотя и диковато. Тебе идет.

Шань Хуа. Так же, как тебе идет украшение в твоих волосах.

Ши Мо. И это верно. Не очень схожие у нас наряды.

Шань Хуа. Что ты собираешься делать с ребенком?

Ши Мо. То же, что и с тобой. Все зависит от того, не уступает ли страх твоего повелителя твоему страху.

Шань Хуа. А до каких пор, по-твоему, смогут удерживать позицию лучники Ляна?

Ши Мо. До тех пор, пока они могут внушать татарам, что десять лучников это тысяча, а сто — десять тысяч. Но когда падут все лучники...

Шань Хуа. Ты выслала странных пилигримов.

Ши Мо. Императрица дозволила шесть дней паломничества. Теперь ты знаешь все.

Шань Хуа. Ну и повиновение! Неужели и в смерти надо повиноваться жестокой У Цзе? Я знаю, вам даровано полупомилование. Я просидела в этой клетке три дня, я слышала и про ваше Украшение, и про все остальное. Про Образец повиновения и про почетную смерть. А что, если бы вам, оставшимся здесь, выкинуть все это из головы и последовать за мной? Лучшего проводника вам не найти. Я знаю надежные тропы, которые ведут к надежным краям. Там вы могли бы жить, пока не умрет императрица. Можешь не сомневаться, она умрет скоро и такой смертью, какую заслужила. Так говорят все. А тогда вы смогли бы вернуться ко двору, на террасы, ты и все твои нежные куколочки из дома Тан.

Ши Мо. Уж слишком ты разговорилась, девочка.

Шань Хуа. Зато ты берешь заложников ради обыкновенного паломничества.

Ши Мо. Пришлось взять. Даже храня повиновение, человек должен делать что-то от себя.

Шань Хуа. Не понимаю тебя. И вообще больше ничего не понимаю. Ты слышишь монгольские трубы? Как ты думаешь, когда они придут сюда?

Ши Мо. Пока они скажут мимо. Они не грабят и не насилюют перед битвой. Сперва они хотят разбить Ляна.

Шань Хуа. Ты хоть понимаешь, что я боюсь?

Ши Мо. Да, теперь твоя самоуверенность заметно поубавилась. Но успокойся. Я обещаю тебе наилучшим образом использовать наихудшие обстоятельства. Есть много способов, гораздо больше, чем ты думаешь. Не плачь, не то у тебя будут красные глаза. Лелей свою красоту с помощью твоего роскошного зеркала.

КАРТИНА 15

Прибыло много беженцев разного звания и по-разному одетых. Крестьяне в соломенных шляпах, буддийские монахи и монахини, носильщики и паланкины, отмеченные невзгодами бегства. Один паланкин усеян множеством стрел, торчащих во все стороны. Из окошка свешивается бледная ручка убитой дамы. На какой-то дикой смеси языков разные группы пытаются поговорить друг с другом, объясняются жестами, произносят отдельные слова, но вскоре отказываются от своих попыток.

Носильщик (*указывая на мертвую даму в пронзенном стрелами паланкине*). Ясное дело, мы старались защитить ее, как могли. Само собой понятно. Но когда несешь что-нибудь обеими руками, нужно время, чтобы высвободить руки и взять меч. Да, да, когда он подошел поближе, я ему хорошенько всыпал. А как же иначе! Я видел, как он упал, хотя было темно, я по его крику понял, что он получил сполна и что косматые пауки дьявола уже спешат с его душой прямехонько в ад. Но потом их пришло еще больше, и у одного был факел. Факел мы перехватили и отбросили, факел погас, а мы рванулись в темноту с нашим паланкином. Но туча стрел уже поразила цель. Едва мы рискнули остановиться и заглянуть внутрь, стало ясно, как обстоит дело. Дама была мертва. Она была родом из дома Сун, нежная, очень приятная в обхождении и храбрая тоже. За все четыре дня пути она ни разу ни на что не пожаловалась.

Беженец. Бедная. Но сейчас-то она счастлива, может быть первый раз в жизни.

Второй беженец. Не преувеличивай. Что мы смыслим в знатных цветках?

Беженка. А она не из буддийских была? То-то бы хорошо. Тожество души сохраняется, если только поступки ведут в рай.

Ши Мо. Здесь слишком тесно. В саду накрыты столы—скромная трапеза, сколько хватило припасов. Унесите бедняжку.

Беженцы выходят.

ДЕЙСТВИЕ III

КАРТИНА 16

Тот же день, несколькими часами позже. Одна из рабынь вводит Нань Фэй.

Ши Мо. Высокие горы Тайханшань закрывают путь. Татарское войско стоит внизу, в долине. Вдобавок оба прохода перекрыты лучниками предателя. Из нашего положения не выберешься никакой хитростью.

Юй Дань. Да, если должно свершиться чудо, пусть оно поспешит.

Цзи Юнь. В западне невозможны чудеса. Даже зловещие слухи и те стихли, когда последний проход был перекрыт. Мы должны избрать кого-то среди нас для переговоров с ханом. Но кого?

Юй Дань. Самую красивую.

Цзи Юнь. Ясно. Нань Фэй.

Нань Фэй. Оставьте меня. Я не согласна.

Цзи Юнь. Тогда мы тебя убьем. Выбериай.

Нань Фэй. Лучше умереть.

Ши Мо. Ну и напрасно. Мы разодем тебя, Нань Фэй, и не пожалеем ничего для твоего туалета.

Нань Фэй. Если вы пошлете меня в татарский стан, я отдамся хану. По доброй воле. И вы ничего не выиграете.

Ши Мо. Выиграем время.

Нань Фэй. А потом?

Цзи Юнь. А потом ты придешь обратно, либо вместо тебя—смерть. Но мы надеемся, что это будешь ты.

Юй Дань. Да, мы очень надеемся. Первый раз в жизни тебя будут ждать с нетерпением.

Пауза.

Нань Фэй. Я не уступлю просьбам и не подчинюсь приказу. Если я и пойду, то лишь по доброй воле.

Юй Дань. Какая удача, что нам не надо убивать тебя, как не надо просить либо приказывать. Чудо и впрямь свершилось. Словно посланница небес спустилась ты к нам, влекомая целью, которую ты сама избрала, и сияя красотой, которая ослепляет всех. Ты победишь.

Нань Фэй. Умерь свой пыл, Юй Дань. Я вовсе не тщеславна. Профессиональная красотка знает много всякой всячины, которую положено знать в ее ремесле. Война слишком долго длится, и потому я уже не могу быть самой красивой. Я думаю, хан за это время успел захватить столько полонянок, что мои шансы стали значительно ниже, чем ты думаешь.

Юй Дань. Честно говоря, мы не видим никого, кто был бы красивее тебя. Своей красотой ты усыпляешь даже нашу зависть.

Нань Фэй. Если мне удастся спасти вас, я снова приду к власти. А потому выбирай слова с должной осмотрительностью. Я правлю тем способом, который часто приводит к цели, а потому требую подобающего уважения. Моя красота признана всеми. Сколько я могла понять, ее вынуждены чтить даже такие красавицы, как вы, менее, однако, красивые, чем я.

Ши Мо. В том, что ты говоришь, кроется малоприятная правда. И мы склоняемся перед ней. Но лишь по причине нашего безвыходного положения, как мне хотелось бы добавить.

Нань Фэй. Добавляй, добавляй, я не возражаю. Оденьте меня.

Ши Мо. С надеждой и упованием. А тем временем старые походные наложницы, одевая тебя, могут помочь тебе советом. Обе они состояли на службе у династии Тан задолго до нашего времени. И вели переговоры с ордами гуннов.

Ши Мо подает знак. Две отставные походные наложницы входят слева. Они произносят приветствие «тысяча лет солнца», между тем как прислужницы распахивают сундуки с нарядами и вынимают их, чтобы Нань Фэй могла выбрать.

Музыка.

Нань Фэй. Я выбираю синее с расшитыми рукавами.

Первая наложница (*одевая Нань Фэй*). Вождеденная красавица вскоре почувствует, как ее тело оборачивается целым государством в княжеских снах. Тело ее имеет много провинций, по которым носится томимый страстью всадник, и глаза у него сверкают безумством желанья. Раскинуться на княжеских пуховиках, словно земля обетованная, означает куда больше, чем просто быть предметом любви. Однажды я делила власть с династией Цзинь.

Вторая наложница (также занятая одеванием Нань Фэй). И со мной то же было. Бывали ночи, когда мое тело заключало в себе всю империю У. И князь приходил, чтобы возлечь на ложе с целой империей.

Нань Фэй. На голову малый лаковый убор с завитушками.

Вторая наложница. Теперь настало твое время. Ты — драгоценна. Ты — редкое сокровище для игры, ты — лакомое блюдо, ты — предмет вожделения. Хан — великий сластолюбец, значит, тебе известно, как отыскать кормило власти. Лишь бы ты помогла нам привести к скорой гибели царство этих одичалых лошадиников.

Нань Фэй. Ты воспеваешь меня словно заманчивую наживку, принимаю и благодарю. А на шею жемчуг из вод реки Лу.

Первая наложница. И еще один совет. Он наверняка начнет тщеславиться своей властью и приговаривать: «Сегодня весело жить. Сегодня власть тешит мое сердце как никогда прежде, сегодня мой произвол правит миром». Видишь ли, Нань Фэй, власть — это когда человек может поступать по своему произволу. Когда человеку дано решать, каким быть дню в Урдане. Он может сказать: сегодня всему быть суровым, жестоким, не ведающим сострадания. Либо: сегодня всему быть ослепительной сказкой с томным перебором струн, с медовыми печеньями и с поцелуями, которые благоухают имбирем. Все зависит от произвола. Искусно ведомая война, сверкающая власть и великолепно изменчивая прихоть — так проходят дни для того, кто повелевает джасой.

Джаса! Я знаю по личному опыту. Я помню, какими они были. Но с тех пор миновало много лун. Жаль, я сама уже не молода. Когда мне довелось вскружить голову мятежному князю Лунь Вэю, я была в твоём возрасте. Искусно пустив в ход все достоинства наложницы, и ничего более, я сумела за девять ночей смутить его мысли, он начал отдавать приказы в угаре страсти, и его войско потерпело поражение. В тот раз император отметил мои заслуги, пожаловав мне высший знак отличия для наложниц военного времени, а мандарин, который в ту пору возглавлял тайный орден, заявил потом, что я послужила как хорошее оружие в мятежной постели.

Вторая наложница. А наши истинные любовники и те мгновения, когда мы украдкой пробирались к ним за спиной у немилого сожителя! Все, все сгнули, увязли в предписанном Образце, пали жертвой своего щегольства.

Первая наложница. Ах, вспомнить только, снобы из Лу, франты из Ли...

Вторая наложница. От души жаль многих. Порой среди них можно было отыскать след, ведущий к уму и чувству.

Первая наложница. У некоторых. Больше других — у сноба Кана. Подумать только, я еще не забыла его душу.

Нань Фэй. Зеркало мне. *(Смотрится в зеркала, протянутые ей со всех сторон.)* Вот так! Именно так! А теперь можно и попытаться.

Первая наложница. Отбрось сомнения.

Вторая наложница. Будь, какой была всегда.

Нань Фэй. Такой я уже никогда не буду. Но я могу победить в злой игре.

КАРТИНА 17

Вечер. Три учительницы усердно налегают на вино, отчего вскоре меняются их голоса и смысл их речей.

Цзи Юнь. Все началось с фейерверка.

Пауза.

Поскольку мы несли службу во время процессий, нас расставляли на террасах в соответствии с домом и рангом. Три тысячи дам из дома Тан. Тысяча — из дома У, тысяча — из Ли, тысяча — из Вэй. После того как придворные дамы выстроились в предписанном порядке, к ним вышла императрица У. Прежде всего она приказала поменять дома местами. Дамы Тан спустились на два уровня ниже, дамы У — поднялись двумя террасами выше. Императрица назвала это небесными переменами. Боже мой, какие это были перемены, тяжкие и унижительные. Так продолжалось два часа. Многим из дам Тан стало дурно, их пришлось вынести. Три дамы из дома Суй, размещенные ниже всех, в знак протеста наложили на себя руки и были доставлены в Плодовый сад к тем, кого унесли ранее. Впоследствии нам объявили, что их сердца разорвались от восторга. И как раз, когда в них угасла последняя искра жизни, императрица У зажгла свой фейерверк. Всполохи огня летели к небу, звездная кровля, рассыпая искры, воздвиглась над Лояном. А на следующий день императрица повелела начать преследования.

Юй Дань. Не терзай меня столь ослепительными воспоминаниями.

Цзи Юнь. Я просто хотела напомнить, что наше унижение началось с фейерверка. Но ярче всего

сохранился в моей памяти мучительный день, который предшествовал торжествам. Как мы все готовились к ним! Как щипал язык и нёбо имбирь, которым были сдобрены все трапезы, чтобы сделать благовонным наше дыхание. Какое расстройство желудка мучило нас в день праздника. Дамы, у которых начались месячные, были отстранены от участия до более благоприятного времени.

Юй Дань. Выпей вина и забудь. Может, вино и составляет единственную радость жизни.

Цзи Юнь. Я готова верить тебе, сестра по несчастью. Когда любовь и возлюбленный далеки от нас, вино всегда остается под рукой. Наливай полней.

Ши Мо. Я не желаю. Учительница повиновения просто составила вам компанию.

Юй Дань. Нет, сейчас ты всего лишь наша сестра по несчастью, и сегодня наш вечер.

Ши Мо. Но если твой страх жаждет вина, я тебе не препятствую.

Цзи Юнь. Мы окружены татарской ордой. Что ж нам еще остается делать? Принимать успокоительные средства и искать опору в писаниях учителя Куна. (*Читает по учебнику.*) Вот, слушайте: «цзюньцзы — это человек, чей взор ясен, а слух разумен, чей вид исполнен глубокого спокойствия, а выражение — достоинства».

Юй Дань. Думается, я встречала таких.

Цзи Юнь. Читаю дальше: «мы приобретаем знания путем изучения предметов. При изучении предметов рождается знание».

Юй Дань. Хан Полосатой орды окружил нас. Он, видно, тоже намерен изучать предметы. А ну-ка, сестренка, скинь одежды, и я изучу твои предметы. Или ты предпочитаешь, чтобы я по-прежнему пребывала в незнании, строптивая куколка, подстилка для всадника?

Цзи Юнь. Учебное наставление Куна и здесь спешит на помощь. Он учит нас: «кто идет истинным путем, тот следует велениям неба и с радостью принимает свою судьбу».

Юй Дань. Такую судьбу, как наша, трудно принимать с радостью без вина. Какой срок отпустил нам хан?

Ши Мо. Три дня.

Юй Дань. А на этот счет у наставника нет подходящего совета?

Цзи Юнь. Сейчас. Возьмем свод правил восемнадцатый: «чтобы стоять во главе семьи, потребен здоровый характер».

Смеются.

Цель великого учения—придать блеск добродетелям, побудить людей стремиться к добру до тех пор, покада цель—высшее благо—не будет достигнута.

Юй Дань. Даже слушая, возвышаешься. И бредешь далее путем совершенства.

Цзи Юнь. Я выхожу из игры. Наставник Кун никогда не упражнялся в добродетели. Он лишь писал о ней. Но в столь же малой степени он предавался пороку. Он лишь предостерегал от него. У Куна не было времени ни на грехи, ни на добродетели, он писал учебники.

Юй Дань. Вот почему он недосягаем. Он предусмотрел каждое возражение, он заклеил его как порок и заткнул образовавшуюся прореху очередной добродетелью.

Цзи Юнь. Мы встречаемся с ним в первом же нашем школьном учебнике. Когда мы будем лежать на смертном одре, он склонится над нами с упоминанием последней добродетели. Повсюду на нашем пути мы встречаем его. Ибо под сенью Повиновения он преграждает нам все остальные пути.

Юй Дань. Школа призвана изменить все, что творится в мире. Школа нужна для того, чтобы создавать декорум и изыскивать окольные пути. Церемонии направляют чувства и приукрашают существующий порядок.

Цзи Юнь. Это ты можешь сказать татарскому хану. Прикажи ему отбить дюжину поклонов и обратиться к дочерям династии Тан, тщательно взвешивая каждое слово, с подобающей медлительностью.

Юй Дань. Именно так. Утверждать окольный путь как самый правильный. Вот наше единственное оружие против этого степного дикаря. Их ультиматум был холоден и суров, как пика, приставленная к сердцу. Наш же ответ должен быть гордым и подробным, должен быть полон серьезных намеков на то, сколь заманчиво идти окольным путем. Скажите им, что их путь к нашему сердцу должен быть извилист, а путь к нашему лону есть история длиной в десять тысяч ли. Мы должны польстить им, сделав вид, будто мы признаем в них яличие известной утонченности.

Цзи Юнь. Предложение столь же веселое, сколь и приятное. Злобный и дикий разбойник вполне заслуживает, чтобы мы одурачили его с помощью всех тех фантазий, в которых он может увязнуть. Мы должны раскрыть перед ним все соблазны, но достигнуть их он должен окольным путем. И на этих окольных путях мы внушим ему смехотворную уверенность, будто он и сам

уже вступил на путь утонченности. Только действовать надо осторожно. Надо с самого начала польстить ему ложной и необоснованной мыслью, будто он что-то понимает.

Юй Дань. И заманить.

Цзи Юнь. Да, да. И заманить. Это очень важно. Заманить обещанием весьма отдаленной, почти недостижимой цели, какой служит для него наше лоно — ожидающее в его гареме.

Юй Дань. И мы должны измыслить совсем новую утонченность, кружевную вязь и вплести в нее какую-нибудь старую, впопыхах отысканную традицию, которой он захочет подражать в глупом убеждении, будто это есть нечто изысканное.

Цзи Юнь. Предлагаю начать с вступительной речи, которая способна пробудить его внимание. Речь следует произнести с напускной небрежностью, будто все это само собой разумеется и у человека, стоящего столь высоко, может вызвать лишь мимолетный зевок пресыщения. Это заставит его подумать, будто он должен притвориться понимающим. А поднеся с напускной небрежностью нечто само собой разумеющееся, мы заложим основы его первого промаха.

Юй Дань. В этом вопросе мы едины. Но первый промах надо подбирать с великой осмотрительностью. Сообразуясь с его сопением и чмоканьем, мы проявим дальнейшую заботу о его глотке.

Цзи Юнь. Главная задача — как можно дольше затянуть переговоры. И поскольку эти переговоры заведомо обречены на провал, тем важнее, чтобы они тянулись как можно дольше. Чтобы мы долго водили его за нос благодаря наличию окольных путей.

Все ярче проявляется действие вина. У Юй Дань заплетается язык, Цзи Юнь играет на цине, а Ши Мо пускается в пляс, но заваливается назад и падает на свою подушку перед низким столиком.

Входит рабыня Вай с чашей в руках. Она протирает их лоб и виски смоченным в воде полотенцем. Учительницы мало-помалу приходят в себя. Холодный рассвет сочится через окно, заклеенное рисовой бумагой. Слышны монгольские трубы и глухие удары барабана. Три учительницы встают и прислушиваются. Затем начинают ходить по кругу под барабанный бой.

Еще раз останавливаются, прислушиваются. Вдали слышна монгольская труба. Всякий раз, когда труба смолкает, слышится барабанный бой.

Входит монахиня Бэй в сопровождении группы странствующих монахинь. Останавливаются, отходят чуть в сторону, ждут. Ши Мо подходит к ним.

Юй Дань. Время скоро истечет, почтенные сестры. Я предпочла бы, чтобы, кроме нас самих, здесь больше никого не было, когда это произойдет.

Монахиня Бэй. Не прими за обиду, наставница. Мы намерены остаться здесь, чтобы послужить Будде и истинной сутре. Быть может, мы подействуем одним своим присутствием.

Ши Мо. Бессмысленное мученичество.

Монахиня Бэй. Наше решение соответствует духу сутры. Если смерть не постигнет нас одновременно с вами, мы продолжим наш путь, предписанный сутрой, и станем миссионерами среди татар.

Ши Мо. Поступай как знаешь, как подсказывает тебе твое призвание.

Монахиня Бэй. Ты позволишь нам совершить богослужение сейчас, перед языческим ритуалом?

Ши Мо. Позволю. Только держитесь в сторонке. Ибо наша вера поколеблена и лишена надежды.

Монахиня Бэй

О как мы счастливо живем
Без злобы, среди озлобленных.
И в мире, напоенном злом,
Жизнь наша не содержит зла.

Вторая монахиня

О как мы счастливо живем,
Довольные среди алчущих,
И в мире алчности людской
Жизнь наша тишины полна.

Третья монахиня

О как мы счастливо живем,
Мы, кто имущества лишен,
И сыты бодростью своей,
Сияем мы как божества.

Монахиня Бэй

Тришна — так именуют жажду жизни,
Которая побуждает живущих
Без меры пить из волн фальшивых и соленых,
Бегущих чередой. Зовут их: наслажденье
И честолюбье, похвалы и слава,
Богатство, жажда власти и обжорство,
Роскошные одежды и дворцы, кичливость
Славными делами предков,

Житейские желанья, жажда жизни,
И все грехи, что рождены сей жаждой,
Одни прекрасны, а другие горьки.
Так жажду жизни утоляют пьянством,
А пьянство множит жажду жизни. Тришна.

От Тришны нынче отврати свой лик
И слушай духом истинную сутру,
Гонения встречай бесстрашно и спокойно,
И светоч Будды выведет тебя к нирване.

Ши Мо. Мы долго спорили о том, как назвать нашу смерть. Если она произойдет таким путем, я хочу назвать свою смерть смертью от собственной руки на алтаре империи У.

Лай. Как прикажешь, высокая повелительница. Пока и поскольку ты не нарушаешь предписаний ритуала и не пренебрегаешь священными ножами, смерть твою благословят боги.

Ши Мо. Не пылай ты ненавистью к нам, высокородным, я могла бы уверовать в твой дар сделать смерть заманчивой и желанной.

Лай. Высокая повелительница! Ты перебрала слишком много определений для смерти, чтобы и впрямь совершить ее.

Ши Мо. Если человек продолжает приносить жертвы богу, которого видит насквозь, как видят нижестоящего, это добром не кончится.

Лай. Повелительница, уж не хочешь ли ты сказать, что перестала верить в богов империи У?

Ши Мо. Нет никаких богов империи У. Давайте же будем смиренны, идучи к алтарю, когда пробьет наш час. Давайте назовем нашу смерть смертью в сомнениях и муке. Тогда мы возьмем наших богов с собой в могилу.

Цзи Юнь. Татарские трубы умолкли.

Ши Мо. Значит, скоро загремят барабаны. Нет больше ни одного кокона, куда бы можно спрятаться. *(Качает головой.)* Давайте ходить взад и вперед. Давайте ходить, пока не утомимся до смерти. Пусть будет так, как уже было во времена императора Хань. Все придворные дамы, которым надлежало последовать за ним через западные ворота, были замурованы вместе с ним. А жрицы дали слово сойти под могучие своды их общей могилы между рядами ламп, которые угаснут вместе с ними.

Цзи Юнь. Все должно в этом мире свершиться своим путем, даже смерть.

Ши Мо. Но в Описании ритуала про страх не сказано

ни слова. Как согласовать наш страх с Описанием? Давайте нарушим наш поблекший дух. Нам было на роду написано умереть, не достигнув тридцати лет, после того как мы восемь лет прослужим учительницами при самом дальнем из дворов династии Тан.

Юй Дань. Меня охватил великий страх. Когда это будет, повелительница?

Ши Мо. Когда я подам знак.

Пауза.

Рабыня Лай, готова ли ты прислуживать нам?

Лай. С заботой и скорбью. Для нас, кто должен нынче умереть, этот день кажется невероятным. Но для богов это обычный будний день.

Присутствующие на сцене служанки сбились в молчаливую кучку.

Ба. Как ты думаешь, может, все-таки попытаться убежать?

Вай. Простись с этой мыслью. Вокруг татарское войско. Десятки тысяч татар.

Ба. Хоть бы знать, пощадят ли они твою жизнь, если не противиться их желаниям?

Вай. Простись с этой надеждой. Татары сначала насилуют, а потом убивают.

Ба. Ты не слышала, что сказала наставница Ши Мо? Когда мы должны умереть, раньше, чем куколки Тан, или после них?

Вай. Про это она ничего не говорила. Достаточно, если мы будем готовиться к смерти. Осень пришла на поля, и осень пришла для династии Тан. Пусть мы были всего лишь рабынями, но зато мы были рабынями при самом прекрасном из дворов. Мы были рабынями Тан.

Ба. Я хотела бежать с фокусником. Но фокусник так и не пришел за мной. Мы собирались пройти через Шеньси и Хонань. Я варила бы ему пищу и делила бы с ним ложе и рожала бы ему здоровых детей.

Вай. Перестань мечтать о жизни, которая тебе не суждена.

Долгая пауза. Потом начинают рокотать татарские барабаны.

Ши Мо (*встает*). Время пришло. Сестры Тан, мы подошли к последнему рубежу.

Вай. Кто первая?

Ба. Кто?

Лай. Учительница Цзи Юнь. Она опередила нас. Теперь ее душа поспешает к небесам. Я рада, что сумела уменьшить ее предсмертную боль, приведя ее в ярость. Бурный гнев помогает перескочить через множество

мучений. Желая вам всем испытать негодование, которое поможет вам умереть в тот самый миг, когда распахнутся створки медных ворот.

Ши Мо. Мы слишком мало упражняли свой дух. Божественный облик, к которому мы обращали взоры, чаще всего был всего лишь нашим собственным отражением в высоких зеркалах. Теперь сон окончился. Дом Тан прекратил свое существование, и мы проснулись, чтобы уснуть навек.

Громко бьют барабаны и снова смолкают. Женщины по очереди следуют за ширмы, где Лай усыпляет их при помощи смертоносного курения.

Последней к ней подходит Ши Мо.

Лай. Наставница Ши Мо! Позволь задать тебе один вопрос, прежде чем я поднесу к твоим ноздрям смертоносное куренье. Почему ты воспротивилась воле императрицы?

Ши Мо. Потому что она употребила во зло дух повиновения.

Лай и Ши Мо скрываются за ширмами. Барабанный бой становится все громче. Распахиваются двери. Вбегают татары. Монахини застыли в ожидании.